

Письмо, что тебе пишу, — не частного свойства: это литературный жанр. Меня заинтересовала и взволновала твоя статья “Пепел, улан, полонез” об Анджее Вайде в “Континенте” (№1 за 1995 г.). Поскольку времени прошло много и, наверное, страсти вокруг нее в Польши отшумели, я и выбрал форму открытого письма. Творчество Вайды — общечеловеческое достояние, к тому же близится его 70-летие, которое наверняка не пройдет незамеченным. Твоя статья дает повод для обсуждения принципиальных проблем, связанных с его вкладом в мировой кинематограф.

Итак, к делу.

Анджей Вайда — действительно “великий соотечественник, прославивший имя Польши в мире”, “мудрец или, скорее, человек, наделенный гениальным чутьем, творчество которого отличает понимание и вера в польскую национальную традицию”... Я мыслю так же, бесконечно люблю и чту Вайду и с этими утверждениями, открывающими твою статью, полностью солидарен. Столь же импонируют мне и последние страницы, которые, помимо того, что блестящи по стилю и афористичности, видятся точными по характеристике Вайды, “польской школы” в кинематографе и целостного самосознания польского народа. Под всем этим готов подписаться обеими руками. За одним существенным исключением. О том и мое письмо.

Ты пишешь: “Национальная культура всегда скрывает в себе какую-то метафизику общества, хотя и приобретает достоинство универсализма только тогда, когда отказывается от метафизики”. С таким утверждением согласиться трудно. Дело не в отказе от “метафизики общества”, а в том, мне думается, что в известных случаях сама эта метафизика набирает универсальное, общечеловеческое звучание.

Именно так произошло с Вайдой. Его увлеченность “польскостью”, польским романтизмом и его символикой, равно как и душевная потрясенность судьбой отечества, покорили

Леонид Пажитнов — Адаму Михнику

Спор о кинофильме “Пепел и алмаз”

весь свет потому, что Польша стала центром духовного кризиса, поразившего Европу на исходе 30-х годов. С нее началась Вторая Мировая война. Истерзанная разделом между немецким и советским фашизмом, она, пережив Катынь, трагедию Варшавского восстания, потеряв цвет нации, способный возглавить ее национальное возрождение, из лап одного черного ворона попала в когти другого. И в результате оказалась единственной страной, потерпевшей тотальное поражение в мировой войне.

А поражения, в отличие от побед, учат мудрости, хотя и дорогой ценой. Спустя десятилетие после войны эта мудрость одухотворила творчество Анджея Вайды.

Художественное постижение судьбы отечества в переплетении событий, инспирированных войной, открыло ему путь к созданию великой трагедии. “Пепел и алмаз” — истинная трагедия, вершина, мало кому дававшаяся после греков и Шекспира.

Трагедия — это гигантский масштаб, когда гибелью героя оплачивается познание радикального изменения миропорядка, рождение новых эпох. Что и принесла Вторая Мировая война. Польша стала средоточием этой трагедии.

Мацека Хелмицкий гибнет на свалке, поскольку стал убийцей — хотя в финале фильма уже внутренне противится теракту. Но АК погибла не с ним, а раньше. Ее обреченный героизм был воспет тем же Вайдой в “Канале”. Она уходит в прошлое, как уходит в прошлое вся Польша “пепла, улана, полонеза”, едва успевшая вкусить двадцатилетнюю независимость после бесчисленных разделов в прошлом и трагически проигравшая ее в 1944 году.

Роковой выстрел Мацека в Щуку — старого коммуниста, вернувшегося из лагеря, заглушенный грохотом салюта в честь победы 8 мая 1945 года, падение убитого Щуки в его объятия, почти как в объятия сына, на свидание с которым он шел, и все это на фоне засветившегося от сотен ракет неба

Анджей Вайда на съемках фильма “Корчак”.

рождает подлинный катарсис, который не придумаешь никаким изощренным политическим умом.

При чем тут Гомулка и связанные с ним иллюзии “польского пути к социализму”, которым будто бы отдал дань Вайда своим фильмом? Ни Гомулка, ни Герек, ни “Солидарность”, ни ваши коммуны, в одночасье перекрасившиеся в социал-демократов, не в состоянии возродить образа Польши, воспетого Вайдой в “Лёгне”, от которого еще долго горькой ностальгией будут трепетать гордые польские сердца. Может, ты думаешь, что присоединение к западной демократии и НАТО решит все ваши проблемы? Я не в состоянии полагать так.

Впрочем, дело не в этом. Художник, на мой взгляд, мудрее политологов. Он — как человекоед — судит о жизни и политике не по идеям, а по ка-

честву и поступкам людей, которые действуют по разные стороны баррикад. А потому — более дальновидно, заходя предчувствуя то, что пока скрыто от узко-цехового политического, экономического, морального и пр. взгляда. Поэтому мне не по душе логика твоего рассмотрения творчества Вайды как художественной иллюстрации польской политической истории послевоенных десятилетий, пусть даже глубокой и пронизательной. Вайда ведь творит в традиции художественной, а не политической.

Ты солидаризируешься со Славомиром Мрожек-ом и Анджеем Вернером, с их мнением о том, что фильм (как и роман Ежи Анджеевского) “фальсифицировал послевоенную действительность”. Подобная солидарность может завести слишком далеко. Читал, что публицист Кшиштоф Конковевский в своей книге

“Алмаз, найденный в пепле” прямо говорит о том, что роман был инспирирован органами государственной безопасности, а заодно бросает тень и на фильм Вайды. Про роман не скажу, он меня сейчас не интересует. А оценить так фильм Вайды — значит увидеть его предельно суженным, политизированным взглядом, в чуждом ему смысловом ряду и совершенно игнорировать его провидческую глубину.

К тому же существует и такое понятие, как масштаб личности. Говорят: “Нет пророка в своем отечестве”. Вашим критикам гонору не занимать, им кажется естественным обращаться с Вайдой на равных и даже поучать его, но для тех, кто судит о польской ситуации с некоторой дистанции, все пропорции представляются смещенными.

Остается надеяться, что история возьмет свое и, как любил

без обиняков выражаться Роден, “Реймский собор останется Реймским собором, сколько бы собак ни мочились на его фундамент”.

К счастью, твоя статья истинные пропорции блюдет, и ее заключительные слова “Кем бы мы были сегодня без этих фильмов, без этой традиции?” все ставят на свои места.

Художественное освоение мира не подвластно теоретической, а тем более политической мысли. Оно суверенно и в чем-то сродни научному озарению, потому что творит его не мысль, а одухотворенные мыслью страсть и фантазия. Художественный гений, подобный Анджею Вайде, не следует заданным правилам, он их создает. А когда следует — вместо “Пепла и алмаза” рождается “Перстень с орлом в короне”.

Людам нужно искусство, а не его политически ангажированный полуфабрикат. Твои прекрасные строки о “Березняке” Вайды, его дивных, чеховских “Паннах из Вилько” (мог бы добавить и “Хронику любовных происшествий”, а также фильм “Пилат и другие”) доказывают, вопреки всему строю статьи, что призвание искусства, воспользуюсь твоими словами: “защитить эстетически человеческий этос среди мишуры политических деклараций”. Анджей Вайда этому призванию и служит.

Сократ полагал, что Платон ему друг, а истина все-таки дороже. Я подобный ригоризм не разделяю. По мне, друг — бесконечно ценнее. Суть, наверное, не в истине (особенно если речь идет о человеческой материи: здесь истин столько же, сколько людей), а в содержательном общении на пути к ней. Прими это как признание в моей неизменной любви.

Прости длинноты. Что делаешь, еще Чехов сетовал, что мы живем в слишком большой стране и потому не умеем писать кратко.

Обнимаю тебя

Леня

8.11.1995. Москва

Рассылка Милан - Пажитнов - 1996. - 11-17 экз. - с. 13.